

Теория перевода

Владимир Манчев

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ, ОТРАЖАЮЩЕЙ ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ, В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ И ЕЕ ПЕРЕВОД

Совершенно ясно, что каждая культура обладает национально-специфическими чертами, которые отличают ее от других, равным образом и язык, как основной носитель культуры, фиксирует культурно-историческое своеобразие народа. Следует отметить также, что любой из существующих языков тесно связан с миром его носителей, поэтому изучать его в отрыве от этого мира было бы весьма затруднительно и нерационально.

Соответственно двум основным сферам человеческой деятельности – материальной и духовной – культуру принято подразделять на материальную и духовную.

Как известно, материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности человека и ее результаты, включая:

- 1) культуру труда и материального производства (орудия труда, технологические процессы, способы обработки земли);
- 2) культуру быта;
- 3) культуру топоса, т.е. места жительства (жилища, населённого пункта);
- 4) культуру отношения к собственному телу и т.д.

Именно лексике, отражающей один из аспектов культуры топоса – типы поселений, – будет уделено внимание в данной статье. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «потребность в жилище – одна из фундаментальных потребностей человека и лингвокультурная конкретизация одной из врождённых идей (а именно: идеи экзистенции, или бытия)» [Верещагин, Костомаров, 2000: 6]. Таким образом, принимая во внимание приведённую выше мысль, естественно было бы предположить, что в области человеческой жизни, связанной с жильём вообще и со структурой населённых пунктов в частности, можно обнаружить гораздо больше сходств между культурами, чем различий. Но различия (нередко существенные) всё же существуют, и они находят своё отражение в лексике.

Итак, начнем с сопоставления русских и болгарских лексических единиц, называющих типы поселений, обнаруживающих сходства.

В качестве одного из примеров сходства можно было бы привести некоторые особенности структуры старинных русских населённых пунктов, перекликающиеся с болгарскими поселениями несколько более позднего периода (см. ниже) и отразившиеся в языках обоих славянских народов.

«Двадцать вёрст до *слободы* Ореховой летел он, как после сам говорил, шибче, чем пророк Илья на своей колеснице».

«Двадесетина версти до *паланката* Орехово летеше, както отпосле сам казваше, по-бързо, отколкото пророк Илия с колесницата си».

(М. Шолохов. Тихий Дон)

Можно сказать, что в данном случае налицо почти полное семантическое соответствие, т.к. слово *слобода*, согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова, имеет следующие значения: «1. В России до отмены крепостного права: большое село с некрепостным населением, а также торговый или ремесленный поселок (до 17 в. – поселение, освобожденное от княжеских повинностей). 2. Поселок около города, пригород (*устар.*)» [СРЯ 1990: 728], а болгарская лексема *паланка*, согласно Современному толковому словарю болгарского языка, означает «*Остар.* Населено място, по-малко от град и по-голямо от село» [СТРБЕ: 598]. К тому же, по свидетельству Н.И. Костомарова и И.Е. Забелина, «...[и] теперь в землях турецких (южных – прим. наше, В.М.) славян та же троичность: град, соответствующий нашему городу, варош – острог и паланка – поселение за укреплением, которое может, смотря по местным обстоятельствам, соответствовать нашему посаду или слободам» [Костомаров, Забелин 1996: 6].

Другим примером такого рода сходства может служить отрывок из романа А. Толстого «Пётр Первый», где мы встречаем русские номинативные единицы:

слобода (см. выше, а также: «в XII – первой половине XVI вв. отдельные поселения или группа поселений, в том числе около города-крепости, в истории России, Белоруссии и Украины, население которых временно освобождалось от государственных повинностей (отсюда название «слобода» – свобода, т.е. свободное поселение). Характер льгот менялся и зависел от времени и места. Первоначально поселенцы освобождались от уплаты податей и воинской повинности. Многие из таких поселений были новыми осваиваемыми землями, в первую очередь казаками, и освобождение от податей было для них стимуляцией. Многие слободы были частями городов. В первой половине XVIII века эти льготы были отменены и слободы превратились в обычные сёла или поселения городского типа. В XIX – XX веках название «слобода» получали иногда пригородные промышленные посёлки» [wikipedia])

и *посад* «1. В Древней и средневековой Руси: торгово-промышленная часть города, обычно вне городской стены. 2. Пригород, предместье (*устар.*)» [СРЯ 1990: 565], переданные при переводе с помощью болгарских лексем *поселища* («Населено място; селище, заселище» [СТРБЕ:659]) и *предградия* («Заселено място близо до голям град» [СТРБЕ: 676]):

«Приев и выпив кремлёвские запасы,
стрельцы разошлись по *слободам*,
посадские – по *посадам*».

«След като изядоха и изпиха
кремълските запаси, стрелците
се разотидоха по *поселищата*,
занаятчиите – по *предградията*».

(А. Толстой. Петър Първи)

Следует отметить, однако, что в силу различий в историческом развитии тип поселения, соответствующий русской слободе, в болгарской действительности отсутствует, что, естественно, создаёт затруднения при переводе. С лексемой *посад* дело обстоит легче – ее можно было бы передать с помощью болгарской лексемы *предградие* или лексической единицы *махала* («1. Част от населено място, квартал. 2. Малко селище, отдалечено от по-голямо селище, в чийто състав влиза» [СТРБЕ: 438]), вследствие её большей смысловой близости к русской реалии.

В свою очередь, нельзя не отметить своеобразие системы наименований населённых пунктов в русском языке. По свидетельству Н.И. Костомарова и И.Е. Забелина, «...[в] нашей старой Руси поселение, подобное тому, что в настоящее время

называется городом, состояло нередко из трех частей: град или город, посад и слободы. Посад разделяется на две части: острог, или укрепленная часть околгородного поселения, и поселок вне острога, или собственно посад, а за ним слободы» [Костомаров, Забелин 1996: 6]. Исторически можно выделить (кроме *городов, посадов и слобод*) *погост, село, сельцо, деревню, поселок* и *займище*.

Погостом первоначально называлось селение с церковью, выполнявшее функции местного административного центра, однако в XVI – XVII веках слово вышло из широкого употребления и сохранилось лишь в новгородской земле. «Различие между селом и сельцом, – как отмечают Н.И. Костомаров и И.Е. Забелин, – заключалось только в величине их. Деревни были поселениями без церквей. Починки были маленькие деревушки, недавно заселённые. Займище было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором» [Костомаров, Забелин 1996: 6]. Подобного рода сведения помогают составить наиболее точное представление о характере русских поселений и в определенной степени облегчают их передачу на язык перевода.

Так, например, в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» встречается реалия *заимка*:

«*Заимка* Громовых что крепость:
вся обнесена сплошным
бревенчатым частоколом».

«*Чифликът* на Громови е същинска
крепост: отвсякъде го загражда стобор
от заострени, като копия, колове:
злосторник не може ги прескочи».

(В. Шишков. Угрюм-река)

В данном случае можно было бы сослаться на существование в болгарском языке лексемы *чифлик* («Частно имение край населено място за земеделие и скотовъдство» [СТРБЕ: 1007]), почти точно передающей смысл русской реалии. Однако данная лексическая единица является заимствованной из турецкого языка, а следовательно, несёт определённую дополнительную коннотативную нагрузку.

Интерес при переводе представляет и бытующая в болгарском языке лексическая единица арабско-турецкого происхождения *касаба*. По определению, данному академическим толковым словарём болгарского языка, *касаба* представляет собой «...*остар*. Градец, малък град» [БТР: 304], что не позволяет нам использовать при переводе русскую лексему *местечко*, обозначающую, согласно СРЯ, «поселок полугородского типа», имеющий к тому же совершенно определённую пространственную и временную локацию: «на Украине, в Белоруссии до революции» [СРЯ: 350]:

«Защото Индже не бастисваше села
и *касаби*, не колеше, не убиваше».

«Потому что не разорял он больше сёл
и *местечек*, не резал, не убивал».

(Й. Йовков. Индже)

В данном случае было бы, вероятно, более оправданно использовать вариант «городок»: «Потому что не разорял он больше сёл и *городков*, не резал, не убивал».

Еще одним интересным примером номинативной единицы, обозначающей населённый пункт (точнее, часть населенного пункта), может послужить болгарская лексема *махала* («1. Част от населено място, квартал. 2. Малко селище, отдалечено от по-голямо селище, в чийто състав влиза» [СТРБЕ: 438]). Здесь в качестве достаточно близкого соответствия можно было бы использовать русскую лексическую единицу

выселок («небольшой поселок на новом месте, выделившийся из другого селения» [СРЯ: 123]), как это сделано при переводе рассказа Николая Хайтова «Страх»:

«Каракуз не беше село, а няколко дребни
махали, пръснати по съседните баири».

«Каракуз тогда не село было, а так,
несколько *выселков* небольших,
раскиданных по соседним горушкам».

(Н. Хайтов. Страх)

Однако из толкований, представленных в словарях, видно, что русская лексема покрывает лишь часть семантического поля болгарской. Данное обстоятельство объясняется тем, что для русского языка первое значение болгарской лексемы *махала* практически является лакуной, т.к. для русских сел не характерно деление на кварталы.

На основании рассмотренных нами выше русских и болгарских лексем, отражающих типы поселений, и случаев их употребления, можно сделать вывод о том, что как сходства, так и различия в семантике подобных лексем объясняются, прежде всего, наличием общих и специфических черт в:

- а) бытовых традициях;
- б) историческом прошлом;
- в) общественно-политической жизни;
- г) экономике.

В заключение остается лишь отметить необходимость учитывать при переводе лексем, отражающих типы поселений, специфические особенности исторической эпохи, в которую было создано данное произведение, культурную и коннотативную нагрузку, которую несёт та или иная лексическая единица, коммуникативную установку данного художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- БТР – Български тълковен речник. Второ издание. С., 1963.
- Верещагин, Костомаров 2000 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. Дом бытия языка. М., 2000.
- Йордан Йовков. Разкази. С., 1971.
- Йордан Йовков. Избранное. М., 1979 (пер. М. Михелевич, Б. Ростова, Т. Колевой, Г. Чернейко, Д. Горбова, Н. Шестакова и др.).
- Костомаров, Забелин 1996 – *Костомаров Н.И., Забелин И.Е.* О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996.
- СРЯ 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- СТРБЕ – Съвременен тълковен речник на български език. Стоян Буров, Валентина Бонджолова, Мария Илиева, Пенка Пехливанова. Трето издание. Велико Търново.
- Толстой А.Н. Пётр Первый. М., 1989.
- Толстой А.Н. Петър Първи. С., 1974 (пер. С. Флорина).
- Хайтов Н. Диви разкази. Шумки от габър. С., 1999.
- Хайтов Н. Колучая роза. М., 1983 (пер. М. Михелевич, М. Тарасовой, О. Кутасовой, В. Викторова, Л. Лерер-Баша).
- Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1987.
- Шишков В. Угрюм-река. М.: «Прогрес»; София: «Народна култура», 1976 (пер. Б. Мисиркова и П. Велкова).
- Шолохов М. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. М., 1975.

Шолохов М. Тихият Дон. Събрани съчинения в 8 тома. С., 1963 (прев. Г. Жечев).
wikipedia – Энциклопедия Википедия. Интернетресурс:
<http://ru.wikipedia.org/wiki/>